

Мария
Щедрина

ОБИТЕЛЬ
ЛЖИ И
СЕКРЕТОВ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Щ36

Иллюстрация на обложке *centaurea*
Внутренние иллюстрации *Евгении Лукомской*

Щедрина, Мария.

Щ36 Обитель лжи и секретов / Мария Щедрина. —
Москва : Эксмо, 2026. — 352 с. — (Обитель лжи и
секретов).

ISBN 978-5-04-225366-9

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Среди пациентов и врачей Больницы скорой медицинской помощи №2 можно встретить аспидов, русалок и волколаков. И здесь работает юная ведьма Василиса, скрывающая отвратительные шрамы на руках и пугающие тайны о своем прошлом.

В одну из смен неожиданно умирает аспид, пациент Василисы. Главврач настаивает, что он умер от инфаркта, но ведь аспиды не страдают заболеваниями сердца. Василиса убеждена, что ее подопечного убили, — так почему руководство больницы не хочет предпринимать никаких действий, чтобы выяснить правду?

Мучаясь чувством вины из-за того, что погиб ее пациент, а также помня о том, сколько страшных дел она натворила три года назад, Василиса начинает поиски убийцы...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Щедрина М., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-225366-9

Длинные черные волосы
Змеями падают с плеч.
Очи огромные, злобные,
Режут тебя, словно меч.
Ладони ее обожженные
О смерти напоминают.
Душа — не по-детски темная,
Не раз и не два топтали.
Справедливость рассудком правит,
И жестокость ходит в министрах:
Если честен, ей станешь другом,
Если лжец — уходи, и быстро.
Она в вечных бегах от кошмаров,
В вечных поисках искупления.
Только ночью себя останавливает
Тихим шепотом: «Нет мне прощения!»
Замелькают в бреду мысли разные,
Холод с чувствами, с злобой — любовь,
И убийца с хорошими спрячется,
Как смешается с ядами кровь.
И застынет она в задумчивости,
Что ей делать дальше, не зная.
Только солнце ее разбудит,
С кожей бледной лучом играя.
Длинные черные волосы
Змеями падают с плеч.
Их хозяйка-ведьма очнулась
И готова начать свою речь.

Пролог

Тьма окутывала маленький город тяжелым всепоглощающим одеялом. Зимняя ночь накрыла невысокие многоэтажные дома, пробежалась по неподвижным машинам костлявыми пальцами холода. Почти пустые улицы освещали лишь мягкий недавно выпавший снег и тусклое сияние лампочек в окнах квартир и витринах магазинов. Десятое февраля, два часа ночи — в такое время жители городка предпочитают не появляться на улицах, которые и в дневное время никто не смог бы назвать спокойными и безопасными.

В половине третьего ночи в тени одного из серых пятиэтажных домов остановилось, тихо зашуршав шинами, небольшое черное такси. Водитель хотел подъехать к фонарю, единственному в районе освещавшему теплыми желтыми лучами небольшой двор, однако пассажир резким напряженным голосом сообщил, что хотел бы покинуть автомобиль в тени. Таксисту оставалось лишь пожать плечами и исполнить волю клиента. Он устал, хотел спать, и ему было абсолютно безразлично, где высадить нервного паренька

лет двадцати. Лишь бы мальчишка заплатил и дал возможность отправиться домой.

Не успела машина остановиться, а парень уже бросил в сторону таксиста смятые купюры — явно в несколько раз больше, чем стоил проезд, — и быстрее тени выскочил за дверь.

Он стоял в темноте до тех пор, пока такси не уехало, и пытался хоть как-то замедлить биение своего сердца, пустившегося в мрачный танец от страха. Пальцы парня дрожали, когда он натягивал на голову капюшон куртки, изо всех сил пытаясь скрыть под ним свое лицо. Спустя несколько минут борьбы неуклюжих пальцев с тканью он понял, что этого недостаточно, и поднял темный шарф как можно выше, пряча рот и нос.

«Он меня не узнает, — мысленно успокаивал себя парень. — Прошло семь чертовых лет. Он не должен узнать».

Ему не удалось обмануть самого себя глупыми надеждами, но хотя бы появились силы сдвинуться с места. Сначала мелкими медленными шажками, а затем почти бегом парень кинулся к одному из подъездов дома.

Асфальт покрывал тонкий слой льда, и в темноте бегущий прохожий рисковал что-нибудь себе сломать, но парню повезло, он успешно достиг железной двери, покрытой толстым слоем краски. Остановка, отдышка. Его не узнают. Он почти добрался. Глубокий вдох.

Парень вытащил из кармана ключи и приложил один из них, магнитный, к домофону. Открыл дверь, вбежал в темный подъезд, резко пахнущий моющими средствами. Снова остановка. Он почти в квартире. Все будет нормально. Он взбежал по лестнице на один этаж и собрался идти дальше. Быстрые шаги отзы-

вались в пустом подъезде слишком громким стуком, похожим на выстрелы. Дыхание вырывалось из легких резкими хрипами.

Он успел пройти половину лестницы, ведущей на следующий этаж, когда почувствовал, что на его плечо опустилась чья-то рука. Парень вздрогнул и дернулся, пытаясь вырваться. Ладонь сжала его плечо так крепко, что наверняка оставила синяк даже через толстый слой ткани куртки и толстовки под ней.

Парень замер. Так его мог схватить только один человек...

І. Незнакомец

ВАСИЛИСА

Его зовут Денис Кирсанов. Больше ничего о поступившем к нам парне сказать было нельзя. Даже вопрос, который всегда интересует наших медсестер — симпатичный новенький пациент или нет, — оставался без ответа: черты лица парня с трудом угадывались под безобразными ранами. Бледный как смерть, с налипшими на высокий лоб прядями каштановых волос, весь перепачканный собственной кровью, он выглядел жалко.

Впрочем, это не мешало мне разглядывать незнакомца с сомнением и почти с любопытством.

— Его что, по ошибке в мясорубку бросили? — поинтересовалась я, повернувшись к Тимофею.

Этот парень был вполне себе цел и невредим, хотя бледный, даже желтоватый оттенок кожи мало отличал его от лежащего передо мной раненого. Мой лучший друг, гордо именующий себя врачом, не выносит

вида крови. И сейчас вид у Тимофея был такой, словно его должно вот-вот стошнить.

— Если бы его бросили куда-то по ошибке, то успели бы вытащить, а не стали бы доводить до такого состояния, — сдавленно, но все же поддерживая мою иронию, ответил парень.

В руках у него была карта вызова, где, собственно, и значилось, что нашего нового пациента зовут Денис. Его имя и местоположение сообщили анонимно по телефону, даже документов при раненом не было.

— Василиса, ты стоять будешь, пока твой пациент тут все окончательно кровью не перепачкает? — прогремел у меня над головой недовольный голос. — У нас тут больница, а не проходной двор, здесь в том числе и дети есть!

Я не стала напоминать высказавшей все это Екатерине Алексеевне, заведующей отделением «Скорой помощи» в нашей больнице, что это место — как раз самый что ни на есть настоящий проходной двор. Вместо этого я просто обернулась к рассерженной женщине и спокойно ответила:

— И куда мне его везти? Мы даже не знаем, кто он. А следовательно, не знаем, и как его лечить. Может, он вообще простой смертный, и позвонили нам по ошибке.

Екатерина вздохнула. Приемная нашей славной БСМП № 2, как всегда, была переполнена, люди не годовали или пытались выяснить, что с их родственниками. А тут еще я со своими вопросами, иронией и непонятными парнями с ножевыми ранениями. Что ж, ее можно понять, поэтому на ее недовольные реплики я обычно не обижаюсь.

— Куда-нибудь, — спустя несколько секунд с еще заметно сквозящим раздражением в голосе выдала исчерпывающий ответ Екатерина. — В любую палату

или смотровую, потом разберемся. Зашей глубокие порезы, приведи его в чувство и приходи за следующими. Сейчас некогда возиться с безымянными бомжами.

Я перевела взгляд на парня. Да, нельзя было сказать, симпатичный он или нет, даже определить его возраст, хотя он наверняка примерно мой ровесник. Но на бомжа он точно не походил. Может, я не дочь миллионера и не стилист, но по одежде и ботинкам можно было запросто понять, что их хозяин не беден. У этого Дениса, кем бы он ни был, явно хватало денег на дорогие тряпки. Жаль только, от ножей неизвестных в темном подъезде деньги его не уберegli.

Кто же он все-таки такой и кто напал на него?

— Да что с тобой сегодня, Серова?!

Еще один раздраженный оклик Екатерины резко выдернул меня из омута собственных вопросов. Не говоря женщине ни слова, я повернулась к Тимофею.

— Поехали в любую свободную палату. Нужно заняться его ранами, пока он до смерти не истек кровью.

* * *

Часовая стрелка больших круглых часов едва успела дотянуться до черной шестерки. Начиналось утро десятого февраля. В столь ранний час любая больница наверняка пуста, но, если ты работаешь в единственном в своем роде медицинском учреждении, следует ожидать, что оно будет переполнено в любое время. Мы с Тимофеем к этому готовы не были, все палаты, в том числе операционные и перевязочные, оказались забиты. Все, кроме одной, но этому мы отнюдь не радовались.

Палата № 4 встретила меня и моего друга почти родными стенами, выкрашенными светлой бежевой

краской, белым кафелем на полу и огромным окном, скрытым за жалюзи мягкого персикового оттенка. Как и во всей больнице, нос здесь приятно щекотали запах хлорки и аромат кофе. Было бы довольно уютно, если бы не одно но.

Сейчас это самое «но», представляющее собой шестидесятилетнего мрачного мужчину с длинными черными волосами и фамилией Змеев, безмятежно посапывало во сне. На белой постели даже в полумраке ясно выделялись его смуглые руки, голова... и длинный темный чешуйчатый хвост, кольцами змеящийся из-под одеяла до самого пола.

Мне всегда было интересно, что сказали бы обычные врачи-люди, посмотрев на некоторых наших пациентов. И сказали бы они хоть что-нибудь или сразу получили бы инфаркт?

— Он спит, — прошептала я, опасливо поглядывая в сторону храпящего Змеева. — Если повезет, мы сделаем все до того, как он проснется.

Тимофей молча кивнул и, стараясь везти кровать с раненым как можно тише, подкатил ее на свободное место.

Змеев — тот, кого простые смертные называли бы именем знаменитого героя русских народных сказок Змеем Горынычем. На самом деле от этого персонажа у мужчины лишь фамилия. По своему виду Змеев — аспид, человек-ящер, который отличается обилием чешуи на теле, способностью дышать огнем и просто невыносимо вздорным характером. Из-за последнего все мы порядком настрадались.

Я устроилась на должность врача совсем недавно, какие-то несколько недель назад, и Змеев стал моим первым пациентом — съел или выпил в новогодние праздники что-то не то и получил тяжелую аллергию. По этой причине аспид начал задыхаться, а его смер-

тоносные когти — отслаиваться. Мало того что после праздников ухаживать за существом, больше похожим на гремучую смесь человека и крокодила, — малопривлекательное занятие, так еще Змеева не устраивало буквально все. Слишком молодой лечащий врач («Так еще и девушка!»), слишком маленькая палата, слишком вонючее лекарство, слишком плохое обслуживание. Он придирался буквально ко всему, вынося мозг мне, Екатерине и нашему главврачу Герману. На исходе третьего дня пребывания Змеева в больнице Тимофей предложил задушить его во сне. Мне пришлось приложить всю силу воли, чтобы отказаться от этой идеи.

Вполне логично, что, увидев, как прямо в его палате мы зашиваем ножевые раны какому-то мальчишке, Змеев придет в ярость и затянет очередной скандал. Поэтому мы с Тимофеем больше всего хотели побыстрее закончить с этим Денисом и покинуть палату № 4, пока аспид не проснется и не поймет, что к нему подселили нового соседа.

Я подняла на нос медицинскую маску, до этого болтавшуюся у подбородка, осторожно проверила, не выбились ли пряди черных волос из тугого пучка, и натянула на ладони перчатки. Тимофей тем временем, сжав в пальцах одной руки воротник своего халата, провел другой над толстовкой раненого. Мой друг, как и я, колдун, пусть и не такой же сильный. Энергии, взятой им из нитей собственной одежды, хватило, чтобы заставить плотную ткань быстро и бесшумно разойтись в разные стороны, несмотря на засохшую кровь. В который раз я убедилась, что магия куда эффективнее человеческих орудий труда, тех же ножниц например.

Под толстовкой обнаружили несколько огромных страшных ран. Судя по тому, что Денис еще был жив, он очень везучий человек, кем бы он ни был.

Нож чудом не задел сердце и легкие. Не желая терять время даром, я потянулась за инструментами, которые принесла с собой в огромной аптечке.

— Знаешь, Екатерина бывает резкой, особенно когда в приемной завал, — неожиданно подал голос Тимофей, и я на миг замерла в удивлении с медицинскими иглами в одной руке и антисептиком в другой.

К счастью, парню хватило ума говорить шепотом.

— Тебя же не задело, когда она сказала о... безмянных бомжах?

Я приподняла брови, всеми силами стараясь показать, что меня и впрямь ничуть не взволновало то выражение, наверняка брошенное совершенно случайно и необдуманно. И все же холодного тона в голосе я сдержать не смогла.

— Почему меня должно было это задеть?

Тимофей, отойдя от кровати на несколько шагов, старательно смотрел на планшет с прикрепленной к нему картой. Может, все еще боялся, что от вида ран его стошнит, а может, смутился из-за моего резкого вопроса. Через пару секунд он молча пожал плечами.

Между нами повисла напряженная тишина. Сначала мне она даже нравилась (я предпочитаю работать молча), но, что бы там я ни говорила другу, в голову все равно лезли непрошенные мысли и воспоминания, в которых мне совсем не хотелось разбираться.

Я улыбнулась, пусть Тимофей при всем желании не смог бы разглядеть это под маской, а затем резко перевела разговор на другую тему:

— Ты, конечно, можешь не смотреть, а то потом и тебя откачивать придется, но этот паренек очень даже ничего. Наверное, спортом занимается, судя по фигуре, да еще и богатый. Гляди, как бы не отбил у тебя Олесю, когда придет в себя.